РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории бывшей Российской империи

Энциклопедический словарь

Выпуск 2

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1999

метром до 1,5 м и глубиной 2–3 м. Сбоку в грунте размещалась сводчатая камера (*лахад*), высота и ширина которой равнялась примерно 1,5–1,6 м, а длина – около 2 м. Таким образом, и названия составляющих, и собственно конструкция были аналогичны традиционным могилам, что вполне соответствовало основной цели йасавитского ритуала Ч. – «умертвить на время уединения плоть и дать душе воспарить к Богу». Выход из подобной *чилла-хана* был невозможен без посторонней помощи; сама конструкция лишала отсиживающего Ч. (*чиллашин*, сокр. от *чилланишин*) возможности поддаться «искушению» прервать уединение без веления *шайха*.

Большинство ранних *шайхов* братства хᵛаджаган-накшбандийа ('Абд ал-Халик ал-Гиждувани, Рамитани, *хᵛаджа* Парса, *хᵛаджа* Ахрар и др.) крайне неодобрительно относились к ритуальному уединению. Однако уже в XVI в. у центральноазиатских братств (в том числе и у накшбандийа) Ч. составляла часть ритуала «очищения» перед инициацией. *Чиллашин* мог общаться только с *муршидом*, который давал указания, контролировал состояние неофита, по своему усмотрению мог прервать или продлить срок уединения. Ч. обычно заканчивалась следующей церемонией: *чиллашин* с поклоном «подавал руки» (протягивал ладонями вверх) своему *муршиду*, чем выражал полное подчинение воле последнего.

К Ч. часто прибегали и зрелые последователи братств, например на праздник *маулуд* (*маулид*) или по случаю поста. Известны случаи «коллективных» Ч., в которых участвовали *шайх* и его ближайшие *халифа*. К сорокадневному уединению на могилах «святых» прибегают как к последнему средству при трудноизлечимых (или неизлечимых) болезнях.

В Средней Азии и других регионах Ч. обозначает конец сорокадневного траура по умершему и отмечается особым ритуалом, во время которого подается угощение и читается Коран «для окончательного упокоения души умершего». Женщина, родившая ребенка, также находится в состоянии Ч., когда ей запрещается выполнять тяжелую работу, вступать в половой контакт и т.д.

Термин Ч. употребляется и для обозначения сорокадневных (или кратных сорока – *ним-чилла*, *даха*) природно-климатических циклов максимальной жары или холода: летняя Ч. (последняя декада июня – начало августа), зимняя Ч. (последняя декада декабря – начало февраля).

Лит-ра. *Маулана 'Абд ар-Рахман б. Ахмад Джами.* Нафахат ал-унс мин хадарат ал-кудс // Ба тасхих-и ва мукаддима ва пайваст-и Махди Таухидпур. Техран, 1976, 413; *Дуст Мухаммад б. Фахр ад-дин ал-Киши.* Силсилат ас-садикин ва анис ал-'ашикин // Рук. ИВ АН РУз, № 622, л. 686–696; *Абу-л-Бака' б. Баха' ад-дин б. Ахмад Касани.* Джами' ал-макамат // Рук. ИВ АН РУз, № 72, л. 24.

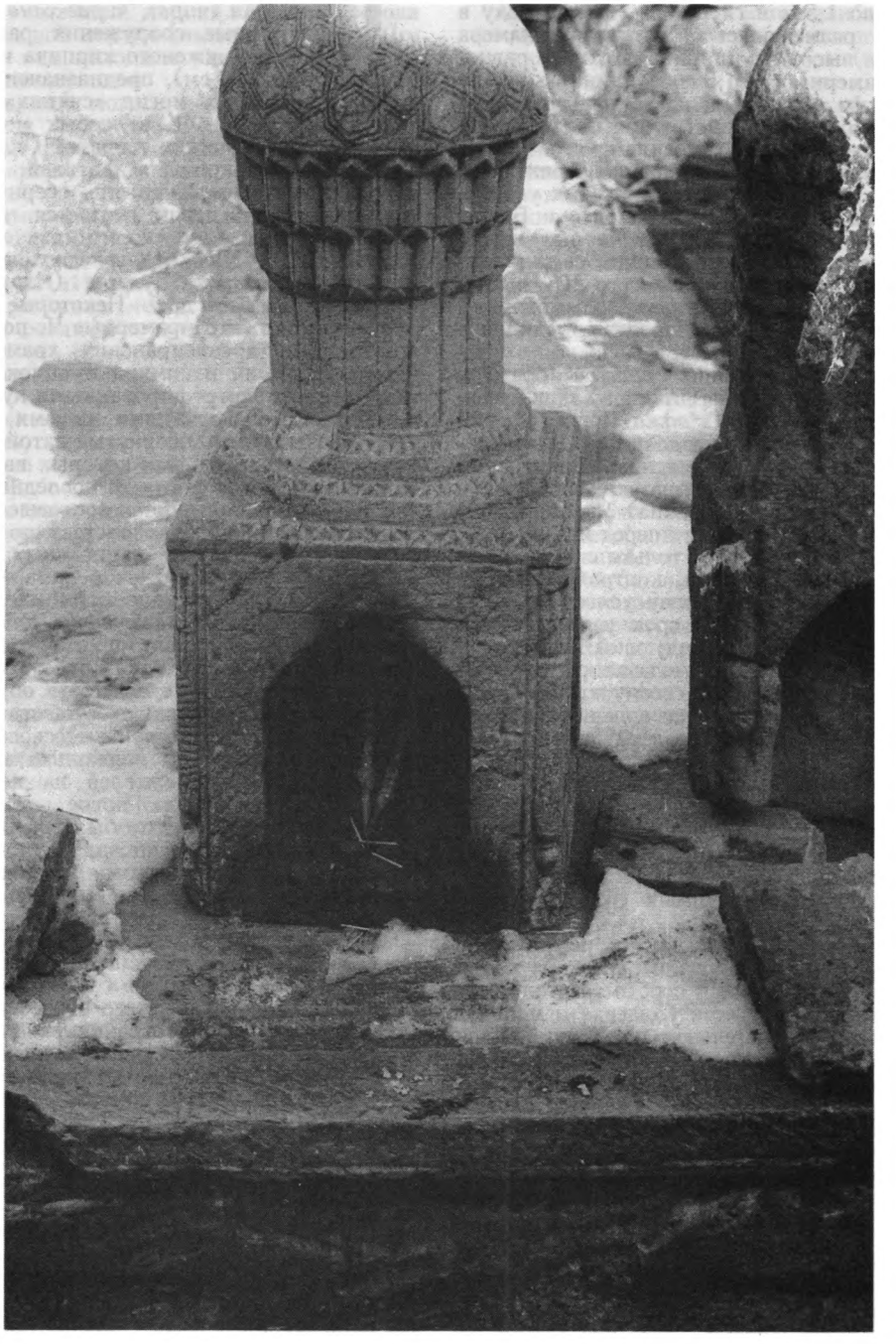
Б. Б.

Чираг-дан (*чираг*, *чираг-хана*) – миниатюрные сооружения различных форм из жженого кирпича или мрамора (от 50 до 90 см), предназначенные для возжигания огня у могил «святых». Огонь возжигался внутри Ч. в особых металлических или керамических плошках (*чирагча*) с вытянутым носиком для фитилей. *Чирагча* наполняют маслом, а фитиль, обернутый ватой, выводится в носик; считается, что исходящий от огня запах «кормит дух святого». Мраморные Ч. XVI–XIX вв. сохранились на некоторых *мазарах* Бухары (Чхар Бакр, Хᵛаджа-йи Ка'ба и др.). Некоторые специалисты считают, что мраморные Ч. повторяют конструкции древнеиранских храмов огня (*аташгах*). Они напоминают однокамерные мавзолеи с гипертрофированными куполами, порталами, со сводчатыми нишами, в которых и возжигались обернутые ватой лучины (*пилик*) либо свечи, для которых выдалбливались особые отверстия. В последнее столетие все чаще используются восковые свечи.

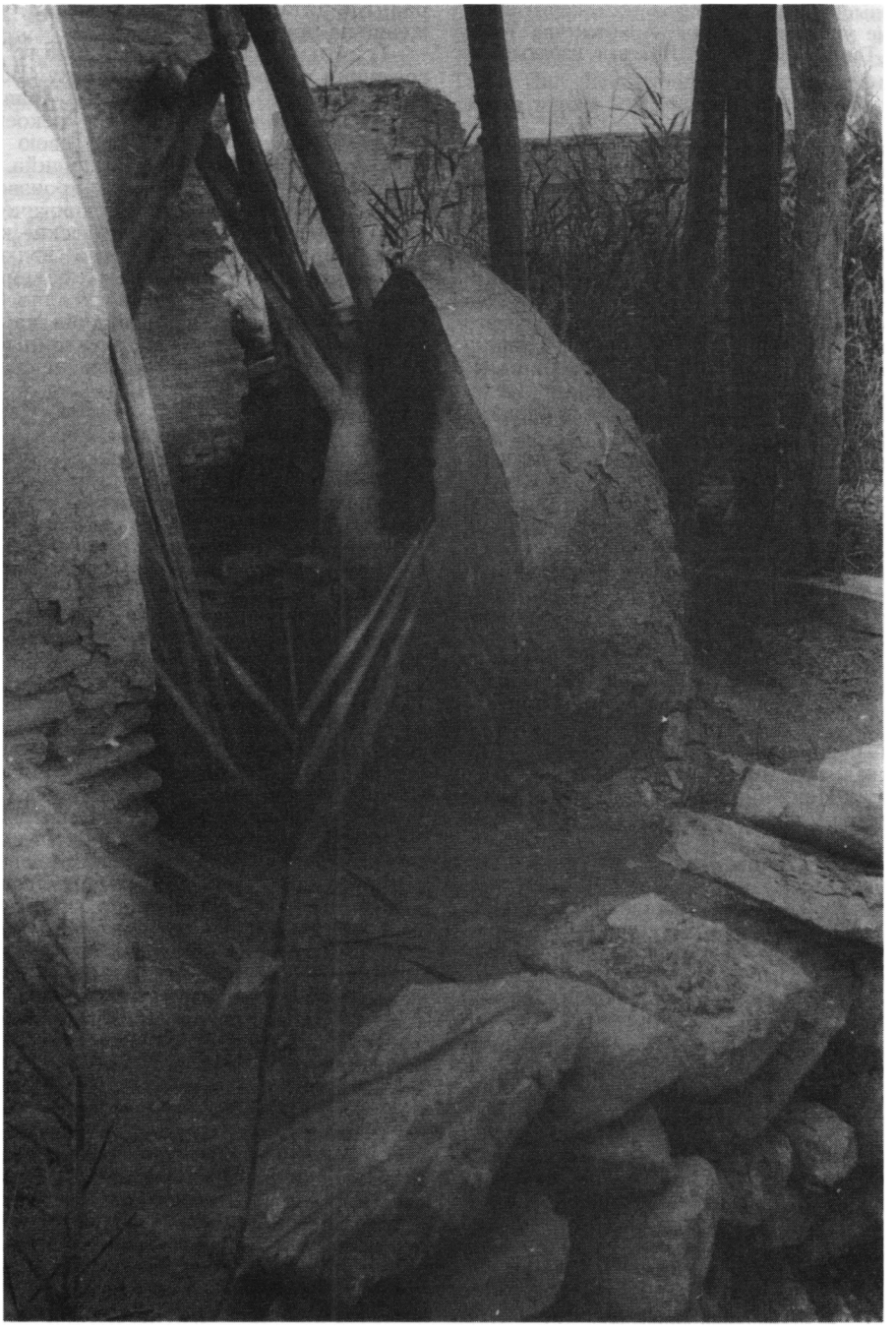
В специальных руководствах по посещению (*зийарат*) могил, написанных местными ханафитами (Бухара, Самарканд) в XIV–XX вв., возжигание огня на могилах (равно как и другие «языческие действа» – громкий плач, причитания, растирание «святой пыли» с могил по лицу и т.п.) строго осуждалось. Тем не менее эти обряды существовали и продолжают существовать до сих пор и даже получают своеобразное «ритуальное развитие»: несколько лет назад один из *шайхов*-служителей на некрополе Чхар Бакр «изобрел» новое «магическое действо», которое будто бы излечивает от бесплодия. Он рекомендовал женщинам-паломницам обхватить руками установленный на надгробии мраморный Ч. и семь раз повернуть его вокруг оси (по часовой стрелке).

Борьба нынешнего суннитского духовенства (в том числе и ханафитов-традиционалистов) с подобными «сомнительными ритуалами» (прежде всего с возжиганием огня на могилах) не ограничивается «разъяснительной работой» среди паломников. Духовенство добилось разрушения старейших и недавно возведенных Ч. на знаменитых *мазарах* (Хазрат-и Имом, 'Абд ал-Халик ал-Гиждувани, Амир Кулал, *имам* ал-Бухари и др.). Однако древняя традиция вновь оказалась сильнее: паломницы, выслушав наставления *имама* с малопонятными (но сакральными) цитатами из Корана и *хадисы*, его призывы воздерживаться от «грешных дел на могилах мусульман» и щедро оплатив его проповедь традиционными подношениями (*назр*, *ихсан*), тем не менее украдкой оставляют зажженные свечи у могил своих «святых». Впрочем, некоторые *имамы* мечетей крупнейших *мазаров* (Чхар Бакр в Бухаре, Занги-*ата* в Ташкенте) смотрят сквозь пальцы на этот ритуал, считая, что он «не вредит устоям ислама». На таких *мазарах* старые Ч. еще сохранились.

Лит-ра: *Му'ин ал-фукара.* Китаб-и Муллазада. Мукаддима, 2–14; *Л.И.Ремпель.* Ар-



Чираг-дан (Чхар Бакр, Бухара). Фото Е.Г.Некрасовой



Чираг-дан (Чхар Бакр, *мазар х^{в}аджа* Абу Бакра Са'да Джуйбари).
Фото Е.Г.Некрасовой

хитектурные модели мемориальных сооружений и некоторые уроки наследия // Архитектура Узбекистана. Таш., 1985, 68–79; Полевые наблюдения авторов.

Б. Б., Е. Н.

ал-Чукури, Мухаммад-'Али б. 'Абд ас-Салих б. 'Абдул ('Абд Аллах) (башкир. Гали Сокорой, татар. Чокрый, араб. ал-Гари, 1826–1889) — башкирский *суфий*, поэт и региональный историк. Ал-Ч. относил себя к башкирскому племени иректе и вел свою родословную от некоего Майки-*бия*, бывшего на службе у Чингиз-*хана*. Его прадед Шариф б. Куйук служил, вероятно, у Екатерины II, а его отец был *муллой* в селении Иске-Чокир (Бирский уезд, Уфимская губерния) и через Файд-*хана* ал-Кабули (ум. в 1802-03 г.) входил в духовно-преемственную цепь братства накшбандийа-муджаддидийа.

Ал-Ч. учился во многих *мадраса* Камского и Приуральского регионов. Некоторое время он был учеником одного из *шайх*ов муджаддидии — Мухаммад-Мурада ал-Бадахшани, о котором известно лишь то, что в противоположность большинству *шайх*ов муджаддидии из Средней Азии он практиковал «громкий *зикр*» (*зикр джахр*). Эта практика была не по душе ал-Ч., и в 1849 г. он отправился учиться в большую *мадраса шайха* Мухаммад-Хариса ал-Истарли-*баши* (Тукаев, ум. в 1870 г.), находившуюся в селении Стерлибаш (Уфимская губерния). Ее основатель, Ни'матулла ал-Истарли-*баши*, в свое время учился в Бухаре у знаменитого *шайх*а Нийазкули ат-Туркмани (ум. в 1821 г.).

После смерти отца ал-Ч. по указу *муфтия* возглавил мечеть и школу в своем родном селении. Этот пост оставался за ним до конца его жизни. По вступлении в должность он оказался в конфликте с аскетически настроенными бродячими *дарвиш*ами, которые на собраниях *суфиев* практиковали «громкий» *зикр*. В то же время они бойкотировали официальное пятничное богослужение, из чего можно заключить, что они вообще находились в оппозиции к официальной мусульманской администрации. Они же якобы и оклеветали ал-Истарли-*баши*, поскольку в этой связи ал-Ч. написал полемический трактат Фасс ал-ахйар («Драгоценный камень в оправе лучших»), в котором он не только защищал практику сидения суфиев в кругу, за что ратовал ал-Истарли-*баши*, но и подчеркивал набожность последнего и его безукоризненно честное обращение с пожертвованиями. Очевидно, Стерлибашевская *мадраса*, в которую поступали большие пожертвования, была бельмом на глазу у завистников.

Средствами на содержание школы служили доходы от унаследованной ал-Ч. от отца пасеки. Если верить записям его сына 'Арифаллы ('Ариф Аллах), ал-Ч. превратил свой находившийся на окраине селения «пчелиный сад» в место собрания литераторов, где читали стихи и совершали богослужение на природе.

Трижды (в 1872, 1879 и 1886 гг.) ал-Ч. совершил паломничество в Мекку. Во время одного такого пребывания на Аравийском полуострове он обрел в лице некоего Мухаммада Мазхара Сахиб-заде свою четвертую связь с братством муджаддидийа.

Среди многочисленных произведений, написанных ал-Ч., есть филологические и дидактические, а также поэтические комментарии, которые неоднократно издавались. Но знаменит он стал весьма объемистыми панегириками, в которых восхвалял '*улама*' и *шайхов* братства накшбандийа из Поволжья и Приуралья. Его двухтомный труд А'лам ал-хади («Знаки праведника»), первая часть которого была издана в Казани под названием Шам' ад-дийа' («Свеча») в 1883 г., содержит хвалебные стихи о многих *шайхах* и '*улама*'. Среди них — Валид б. Мухаммад ал-Амин ал-Каргали (ум. в 1802-03 г.), Хабибуллах ал-Уриви (ум. в 1817-18 г.), Джа'фар б. 'Абди ал-Булгари (ум. в 1823-24 г.), 'Абдаллах ал-Мачкарави (ум. в 1859 г.), 'Али ат-Тунтари (ум. в 1875 г.), *муфтий* Салим-*гирей* Тевкелев (ум. в 1884 г.), Ни'матуллах б. Биктимур ал-Истарли-*баши* (ум. в 1844 г.) и Шихаб ад-дин ал-Марджани (ум. в 1889 г.).

В *мурабба*'-стихотворении Мадх-и Казан («Хвалебная песнь Казани», Казань, 1889) ал-Ч. восхваляет мусульманскую общину Казани в целом, '*улама*' — за их вклад в образование, предпринимателей — за материальную поддержку мусульманской культуры и образования. В исторических пассажах этого произведения Казань того времени предстает как процветающая духовная наследница древнего Булгара, уничтоженного якобы Тимуром/Тамерланом. Автор называет современный ему Волго-Уральский регион не иначе как «Булгар».

Как историограф ал-Ч. прославился сочинением Такриб-и Гари («Сближение Чукури») — комментарием к широко известному труду Таварих-и булгарийа (приписанному Хусам ад-дину ал-Булгари, XVI в., а в действительности написанному в XVIII или в начале XIX в.). Хотя ал-Ч. в своем комментарии и исправляет явные исторические неточности Таварих-и булгарийа (например, исламизацию волжских булгар сподвижниками Пророка в девятом году *хиджры* или борьбу Тимура с Чингиз-*ханом* и Надир-*шахом*), а также подвергает сомнению историческое значение этой работы в целом, все же он полностью придерживается «булгарской» исторической перспективы. В этом отношении позиция ал-Ч. существенно отличалась от позиции его современника Шихаб ад-дина ал-Марджани, который характеризовал Таварих-и булгарийа исключительно как «лживые сказки», и вместо булгарооориентированной историографии сосредоточился на истории «татарского народа», тем самым отвергнув идею культурного единства Волго-Уральского региона. Примечателен также отчет о паломничестве в Мекку